

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

СПЕЦНАЗ
ОФИЦЕРЫ

**АВИАЦИОННЫЕ
ТЕРРОРИСТЫ**

Спецназ. Офицеры

Александр Тамоников

Авиационные террористы

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Авиационные террористы / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2016 — (Спецназ. Офицеры)

Боевиками движения «Талибан» захвачен пакистанский «Боинг-737» с сотней пассажиров на борту. Террористы связываются с российскими властями и предлагают обменять авиалайнер на десять боевиков-талибов, которые отбывают срок на территории РФ. Несмотря на то что среди пассажиров авиалайнера нет ни одного гражданина России, власти принимают предложение террористов. Однако, подозревая, что талибы задумали какую-нибудь провокацию, руководители российских спецслужб решают отправить в Афганистан отряд специального назначения «Оса». Бойцам приказано на месте оценить обстановку и по возможности обезвредить террористов и освободить заложников... Ранее книга издавалась под названием "Прерванный полет «Боинга-737»"

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А. А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

© Тамоников А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

*Все изложенное в книге является плодом авторского воображения.
Любое совпадение случайно и непреднамеренно.
От автора*

Глава первая

Встреча в Кандагаре

В живописной долине на юге Афганистана раскинулся древний город Кандагар, основанный еще при Александре Македонском и некогда носивший гордое звание столицы страны. Он довольно велик, многолюден и полон всевозможных исторических достопримечательностей, хотя прославился вовсе не ими, а кровопролитными боями, проходившими некогда в окрестностях, и своей причастностью к зловещему движению «Талибан». По существу, Кандагар когда-то был главным оплотом талибов, однако после вторжения войск Северного альянса они были вынуждены бежать, покинув такие священные для себя реликвии, как кусок плаща пророка Мухаммеда, хранящийся в особо почитаемой мусульманами мечети Да-Керка-Сариф-Зиарат. С тех пор в городе была учреждена штаб-квартира вооруженных сил НАТО, которые, если верить их заявлениям, обеспечивают безопасность в регионе.

Что ж, при самом первом, беглом и поверхностном взгляде Кандагар действительно превратился во вполне мирный город, где бойко торгуют шерстью, войлоком, хлопком, шелком и всякой всячиной. Часть разрушенных зданий восстановили, а для удобства пешеходов и автомобилистов снесли несколько древних извилистых улиц с саманными хижинами, заменив их прямыми проспектами и относительно зелеными скверами.

Однако западных туристов сюда не заманишь никакими коврижками. Не расхаживают они шумными толпами по прекраснейшей площади Чар-Сук, не фотографируют, восторгаясь, мавзолеей Мир-Маис-Баба, не любуются горными заснеженными пиками на горизонте, не поедают пахучие шашлыки с горячими, хрустящими лепешками, не дивятся тому, что на городских задворках беспрепятственно растут кусты конопли, похожие на раскидистые елочки. Виной тому не жара, которая летом превращает Кандагар в настоящее раскаленное пекло, где совершенно нечем дышать. И даже не свирепые пыльные бури, во время которых невозможно открыть рот или глаза без того, чтобы их тут же не запорошило песком. Причина кроется в том, что талибы бежали отсюда не так далеко, как казалось вначале. Прошло совсем немного времени после их разгрома, как они пришли в себя и начали потихоньку возвращаться, маскируясь под мирных жителей.

Одним из них был, например, Мохаммад Джамхад, прибывший в Кандагар 10 июня под видом владельца небольшой табачной фабрики в провинции. Смуглолицый, с правильными чертами и резкими морщинами, придававшими ему достоинство и суровость, с бородой, доходившей до уровня груди и полностью скрывавшей щеки, Джамхад мог бы сойти за аскета, если бы не слишком чувственные влажные губы, обладавшие куда большей выразительностью, чем глаза, неподвижные и матовые, как пара слив.

Доехав до нужного района, он велел таксисту остановиться, чтобы дальше пройти пешком. Всевышний указывает преданным правильный путь, но идти по нему следует с умом, не совершая неверных движений и не подвергая себя ненужной опасности. «Будьте предельно осторожны и бдительны», – призывает Священная Книга, и лишь глупец, безумец или неверный может игнорировать столь мудрое наставление.

Идя по улочке, криво поднимающейся в гору между бесконечных саманных дувалов, Джамхад обратил внимание, как много попадалось ему навстречу бесстыжих женщин без паранджи и бесчестных мужчин, лишивших себя бороды, отчего их лица выглядели непристойно голыми. Кроме того, пару раз его чуткий нос уловил характерный запах гашиша, витающий в воздухе столь же свободно, как аромат жарящихся лепешек, а из некоторых дверей и окон доносились звуки западной музыки, предназначенной для того, чтобы слушать ее в аду вместе с тамошними обитателями. Джамхад, так много сделавший для того, чтобы сооте-

чественники соблюдали заветы Пророка, почувствовал себя уязвленным и оскорбленным в лучших чувствах. Остановившись возле маленькой парикмахерской, чтобы проверить, не увязался ли за ним хвост, он сделал вид, что просто любуется видом на раскинувшийся внизу Кандагар, а сам стал прислушиваться к разговору благообразного старца и юноши, который, по-видимому, являлся его внуком. Они как раз толковали про прежние времена, когда страной правили талибы.

– Мне девяносто лет, Вали, – говорил старик, постукивая посохом, – но за последние десять лет я увидел столько женских лиц, сколько не видел за всю предыдущую жизнь. Срам! Беспутство! И никто не преследует этих развратниц на улице, не провожает их свистом, не побивает камнями, как это было в старые добрые времена. Вот до чего мы дошли с вашими новыми порядками.

– Пойми, дед, – запальчиво воскликнул юнец, – прежние порядки устарели, они давно никуда не годились. Их насаждали талибы, чтобы подчинять остальных людей своей воле. А сами? Подлые лицемеры! Объявляли по радио, что выращивание опия запрещено, а сами занимались продажей наркотиков, выручая за них огромные деньги. Вы жили впроголодь, а они купались в роскоши, строили себе дворцы и покупали японские джипы. Это, по-твоему, порядок? Нет, дорогой дедушка, это безобразие!

У Джамхада просто руки чесались, так хотелось ему схватить этого безмозглого сопляка за тонкое горло и душить, душить, пока его болтливый язык не вывалится наружу и не поси- неет, не в силах произнести больше ни единого лживого слова. Вместо этого он заставил себя продолжить путь. Джамхад не имел права выдавать себя и свою принадлежность к движению «Талибан». Очень многое зависело от результатов его визита в Кандагар. Вся та большая геополитика, о которой любят болтать разные умники, не вылезаящие из телевизионных ящиков и полагающие, что управляют миром они. Однако истинным властелином здесь и во вселенной являлся всемогущий Аллах. И это он направлял стопы Джамхада в нужном направлении.

Осознание этого наполняло его гордостью и уверенностью в себе. В памяти одна за другой всплывали суры, соответствующие его состоянию. «Да не постигнет нас никогда ничто, кроме того, что начертал нам Аллах, наш Покровитель... Ибо если Аллах коснется тебя злом, то нет избавителя от этого, кроме Него. А если Он пожелает тебе добра, то нет способного удержать Его милость».

Губы Джамхада, беззвучно повторяющие эти слова, то и дело растягивались в самодовольной улыбке, тогда как глаза сохраняли прежнюю невыразительность. В них нельзя было уловить ни одного проблеска, ни одной искорки, даже когда, по идее, зрачки должны были отражать солнце. Это создавало довольно странный и немного пугающий эффект. Когда он смотрел на человека, тот старался не встречаться с ним взглядом. Правда, это случалось редко. Обычно Джамхад держал глаза опущенными, словно был погружен в молитву или богоугодные размышления. В общем и целом этот человек производил благоприятное впечатление.

Один раз его обогнал патрульный «Хаммер» с иноземными автоматчиками в зачехленных касках, но внешний вид Джамхада их не насторожил. Одет он был как обычный мирный афганец – никаких моджахедских шаровар или длинной холщовой рубахи навывпуск. Единственная дань традиции – светлый пакол на голове, защищающий голову от палящих лучей солнца. Остальное – коричневый, в белую полоску, костюм, тщательно наглаженная голубая рубаха и поскрипывающие плетеные туфли – вполне соответствовало облику преуспевающего бизнесмена. А если бы американцы и заподозрили что-то неладное, то было уже поздно, потому что, нырнув в проулок, Джамхад быстро поднялся по ступеням, толкнул тяжелую деревянную дверь и очутился в просторном дворе большого двухэтажного дома с длинной верандой, на которой сушились выстиранные женами хозяина ковры, простыни и покрывала.

Вода, оставшаяся на камнях после стирки, еще не успела высохнуть и дарила приятную прохладу, особенно ощутимую в тени трех раскидистых инжиров, заслоняющих двор

от жгучих лучей солнца. Прежде чем позвать хозяина или пройти дальше, Джамхад сбросил нагретый пиджак и развел руки в стороны, надеясь, что слабый ветерок высушит промокшую рубашу. Эта одежда неверных создавала раздражающие неудобства для муллы Мохаммада Джамхада, который являлся одним из лидеров движения «Талибан».

Его биография была безупречной. Он родился неподалеку от Кандагара, в крохотной деревушке Хаке, с раннего детства обучался в медресе и зарекомендовал себя как истинный знаток ислама. Одна из его четырех жен была дочерью самого Черного Омара. Под командованием этого великого воина Джамхад штурмовал Кабул и Мазари-Шариф, а потом принимал участие в уничтожении гигантских статуй Будды в Бамиане. На его руках не высохла кровь врагов ислама: сначала русских солдат, потом владельцев маковых плантаций на севере Афганистана, наконец, американских агрессоров, нагло попиравших священную землю, по которой когда-то ходил сам Пророк. Впрочем, с американцами в последнее время отношения наладились, и необходимость устраивать джихад против Соединенных Штатов отпала. Оказалось, что главные недруги обитают все же в России.

Хозяин дома, выбежавший встречать дорогого гостя в своей лучшей каракулевой папахе, ненавидел русских ничуть не меньше. Звали его Халик Ардан. В домашнем халате и тапках на босу ногу он совсем не напоминал того грозного Халика-Орла, который четверть века назад воевал с советскими солдатами на своей земле. Однако, присмотревшись к его лицу, любой наблюдатель сразу понимал, что видит перед собой человека незаурядного, решительного, вспыльчивого, отважного. Очертания его носа напоминали кривой разбойничий кинжал, глаза поблескивали в тени сросшихся бровей, как постоянно тлеющие угольки, а длинные боковые клыки придавали ему что-то звериное, хищное. Ардан уже начал сесть, но кудри, падающие на его высокий загорелый лоб, все еще были смоляными и тугими, как пружины.

По происхождению он принадлежал к самому многочисленному племени афгани, как именуют их на Востоке, или пуштунов, как называют себя они сами. Что касается Ардана, то он ненавидел иноверцев почти столь же лютой ненавистью, как и русских. При этом нельзя не отдать должное таким чертам его характера, как смелость, гордость и свободолюбие, позволившие ему стать одним из самых уважаемых полевых командиров, под началом которого находилось до трех сотен боевиков. Был он также строгим, но любящим отцом, добрым мужем и надежным другом. Это каким-то образом сочеталось в характере Ардана со звериной жестокостью, проявляемой не только к врагам на полях сражений, но и к безоружным пленным.

В полной мере она проявилась осенью 1985-го, когда его банда атаковала разведвзвод советского мотострелкового полка, отправленного командованием в Марайское ущелье.

За три дня до этого он со своими воинами сжег в ущелье целую колонну «КамАЗов», везших в Кандагар бензин, солярку и авиационный керосин. Топливозаправщиков было двадцать штук, в охране одна БРДМ – бронированная разведывательно-дозорная машина и две боевые машины пехоты. Боевики Ардана называли их «черепашками», а «наливники» – «зажигалками», потому что первые часто демонстрировали неповоротливость в горной местности, а вторые вспыхивали факелами от выстрелов гранатометов. В кузове последнего «КамАЗа» находилась зенитная установка «ЗУ-23—2», а замыкала колонну машина техпомощи, чтобы можно было кого-то отремонтировать или взять на буксир.

Короче говоря, все это хозяйство было взорвано в результате интенсивного гранатометного и минометного обстрела. В нападении участвовал старший сын Ардана, которого в ходе скоротечного боя сразила пуля советского пулеметчика, пробившая ему грудь навылет.

Предав сына земле, окаменевший от горя, Ардан не увел отряд подальше, чтобы переждать, пока русские вертолеты размолотят все живое в округе, а приказал людям прятаться в пещерах и каменных щелях. Здесь-то и попал в засаду разведвзвод.

В ходе ожесточенного боя Ардан потерял половину своего отряда, но взвод был частично уничтожен, частично взят в плен. Когда пленников, избитых, истерзанных и окровавленных,

привезли в лагерь, он долго прохаживался перед ними, якобы задавая вопросы, а на самом деле наслаждаясь предвкушением близкой мести. Эти скоты посмели отнять у него сына! Его надежду и опору, его плоть и кровь. За это они заслуживали самой жестокой кары, Аллах тому свидетель.

Жители кишлака Батан собрались на площади, наблюдая за происходящим. Мальчишки то и дело подбегали к русским, плюясь и швыряясь огрызками кукурузы, а взрослые хранили недоброе молчание, ожидая развязки. Ардану не терпелось ускорить эту развязку, но, вспоминая, какую ужасную потерю он перенес, заставлял себя продолжать допрос. С мстью нельзя торопиться. Она должна свершаться медленно и неотвратно, как все, что предназначено Аллахом.

Ардан выяснил, что командир взвода старший лейтенант с какой-то труднопроизносимой фамилией, недавно стал отцом, что сержант-пулеметчик ненавидит душманов и готов умереть за Родину и что трое солдат жалеют о том, что их послали в Афганистан, и очень хотят поскорее вернуться домой.

Допрос закончился, и по приказу Ардана со старшего лейтенанта стали сдирать кожу, ему посчастливилось скончаться на третьей минуте казни от болевого шока. Сержант сохранил достоинство и мужество, за что удостоился скупой похвалы Ардана. А потом его облили бензином и заживо сожгли.

Продемонстрировав солдатам казнь офицера и сержанта, Ардан велел поставить всех троих на колени, а сам вооружился ножом и зашел к ним за спину. Горла пленникам он резал легко, умело, даже играючи, как будто имел дело не с людьми, а с баранами. Впрочем, русские были для него значительно хуже баранов. Этих пятерых не похоронили, не бросили на съедение шакалам и стервятникам. По приказу Ардана останки пленников сложили в старые джутовые мешки и оставили на верхней дороге, по которой ездили русские. К ним прилагалась записка, состоявшая из одного-единственного арабского слова: КЫСАС, то есть «возмездие, наказание».

Ардан редко вспоминал ту давнюю войну, казненных русских, да и горе по убитому сыну давно притупилось, словно не было у него никогда стройного, быстрого, как джейран, Хурама, отрады отцовских очей и сердца. Были новые войны, были другие пленные, и трупы, и реки крови. Время текло вперед, а цели и взгляды Халика Ардана постепенно, но необратимо менялись вместе с этим временем и окружающим миром.

Единственное, что осталось в нем неизменным, – это ненависть к России и ее гражданам, посмеявшимся вторгнуться на его родину с оружием в руках. Вот отчего Ардан так обрадовался визиту Мохаммада Джамхада. Это означало, что «кысас» будет продолжаться. А иного смысла жизни он для себя не нашел и не знал.

– Рад видеть вас, уважаемый господин Джамхад, – воскликнул Ардан, сбегая по ступеням в тенистый двор. – Устали, наверное, с дороги? Хотели бы вы сначала отдохнуть в самой прохладной из моих комнат или же предпочитаете перекусить с дороги?

Сходясь с Джамхадом, Ардан гостеприимно улыбался, слегка разведя руки в стороны. Суровый с врагами, он был неизменно вежлив с со-отечественниками, которых считал ровней себе или ставил выше. Для афганцев крайне важны хорошие манеры и правила поведения. Встречаясь с мужчинами, Ардан имел в запасе три варианта приветствия: поклон с последующим лобызанием руки, стандартное рукопожатие или объятия, сопровождающиеся взаимными поцелуями в щеки. Он решил ограничиться рукопожатием, чтобы не выглядеть подобострастным или фамильярным.

Задержав протянутую пятерню Ардана в своей, Джамхад слегка приобнял его и сказал:

– Прежде всего я хотел бы поговорить, дорогой мой. Разговор предстоит важный, крайне важный. Ты позвал Алима, как я просил?

– Да, уважаемый Джамхад. Мой племянник уже здесь. Ждет, когда ему выдастся случай поговорить с таким уважаемым человеком, как вы.

Губы Джамхада растянулись в улыбке:

– Тогда води меня к нему, побеседуем в узком кругу, а уж потом отведаем твоего плова, шиншалла.

Последнее слово означало: «если Богу будет угодно», «дай Бог». Мохаммад Джамхад никогда не пропускал случая лишний раз продемонстрировать свою набожность.

Обмениваясь на ходу восточными любезностями, мужчины поднялись по ступеням и вошли на веранду, увитую виноградом и затененную кронами деревьев так, что здесь было прохладно в самый знойный день. Худая собачонка, повиляв хвостом, убралась в темный угол и принялась там остервенело щелкать зубами, выискивая блох.

Двоюродный племянник Ардана Алим Карани почтительно поднялся с подстилки и так же почтительно поклонился гостю. Глаза у него были маслянистые, обрамленные густыми, почти девичьими ресницами. Нос тонкий, с воинственной горбинкой, брови вразлет. В отличие от старших мужчин он не носил бороды, ограничившись усами, которые наряду с крупными белыми зубами делали его похожим на известного солиста популярной западной рок-группы. Алим было известно об этом сходстве, потому что большую часть жизни он провел не на родине, а в далеком американском городе Ньюарк, штат Нью-Джерси, где никто не запрещал ему слушать музыку группы и ее покойного солиста. Он превосходно владел английским языком и знал, как правильно вести себя на Западе, что и сделало его кандидатуру столь привлекательной для представителей Талибана.

Афганская эмиграция отличается от всех прочих тем, что началась она лишь в конце прошлого века, причем афганцы покидали родину не в погоне за «длинным долларом», а спасая свои жизни и жизни своих детей от ужасов войны. Почин был положен королевской семьей, сбежавшей в Европу после дворцового переворота 1975 года. За ней последовали аристократы, интеллигенция, духовенство и коммерсанты, а уж потом начался массовый исход, в результате которого население страны уменьшилось на пять миллионов человек.

Семейство Карани, относящееся к торговому сословию, осело сначала в Дании, а потом перебралось за океан, в Соединенные Штаты, где имелось несколько больших и сплоченных диаспор, всеми силами сохраняющих свою самобытность, нравы и обычаи.

Старшая сестра юного Алима Карани быстро прижилась в новых условиях, вышла замуж и стала исправно рожать детей, а сам он чувствовал себя неприкаянным на чужбине. Нужды он не испытывал, но его нравственные страдания были мучительнее голода или холода. Отданный в американский колледж мальчик столкнулся с непониманием сверстников. Они даже не знали, где точно находится Афганистан, не говоря уже о том, чтобы с пониманием относиться к трагедии тамошнего народа. Между тем Алим считал себя нравственно выше, чем бездуховные американцы, молящиеся лишь своему зеленому, как ящерица, доллару. Он исповедовал совсем другие, поистине духовные ценности, не хотел становиться бездушным и прагматичным.

Все это порождало бесконечное одиночество. Искренние улыбки Алима наталкивались на заученные белозубые оскалы соучеников, ни один из которых так и не стал ему другом или хотя бы добрым товарищем. Слишком разный менталитет, слишком разные духовные потребности, слишком разный опыт и привычки.

Закончив колледж с высокими баллами и безупречными рекомендациями, Алим без труда устроился менеджером в процветающую ньюаркскую компанию, поставляющую электронику в страны Среднего Востока. При вполне лояльном и даже дружелюбном к нему отношении сотрудников он по-прежнему чувствовал себя белой вороной. Так и не сумел адаптироваться к чужеродному окружению, продолжая упорно цепляться за свое прежнее мировоззрение, обычаи, привычки, стереотипы. Уж слишком поведение американцев расходилось с принципами

пуштунвала – неписаного закона чести и достоинства афганцев, передаваемого из поколения в поколение.

Закон этот предписывает мужчине самоотверженно любить и защищать родину, предоставлять убежище и защиту всем, независимо от веры и социального положения, оказывать гостеприимство каждому, включая смертельных врагов. В соответствии с предписаниями пуштунвала Алим был обязан всеми силами поддерживать свое национальное достоинство, почитать стариков и незамедлительно отвечать на обиду или оскорбление.

В Америке все это считалось анахронизмом, пережитками прошлого, какими-то первобытными замашками. Алим уже подумывал о возвращении, когда на свою беду влюбился.

Это произошло в самый трудный период его жизни. Известие о гибели семьи в автокатастрофе прозвучало как гром среди ясного неба. Мать, отец, сестра и младший брат – все они отправились в мир иной, оставив молодого человека совсем одного.

Пытаясь хоть как-то развеяться и отвлечься от тяжких дум, он однажды принял приглашение прийти на корпоративную вечеринку, где впервые разглядел Дину Митчелл. Нет, конечно, они и раньше сталкивались в офисе и даже обменивались порой ничего не значащими вежливыми фразами, однако до этой ночи Алим не присматривался к девушке, потому что считал, что она абсолютно не в его вкусе.

О, как он заблуждался!

Учитывая «восточную» специфику компании, вечеринка называлась «Тысяча и одна ночь», и молодые сотрудницы приняли участие в шуточном конкурсе танца живота. Дина, обряженная в черный парик и бордовый костюм с блестками, покорила неискушенное сердце Алима. Ему показалось, что он нашел наконец девушку своей мечты: темпераментную, огненно-страстную, но вместе с тем гордую и неприступную. Ах, как решительно шлепнула она по руке главного менеджера, попытавшегося грубо облапить ее после танца! Как гневно стрельнула подведенными глазами на мистера Такера, сделавшего ей недвусмысленный комплимент!

Алим понял, что этот вечер подарен ему провидением самого Аллаха. Переборов врожденную скромность, он улучил момент, чтобы подойти к «мисс Шахерезаде» и завести с ней вежливую беседу. К его удивлению и неописуемой радости, она не отделалась от него парой вежливых фраз и даже приняла предложение проводить ее домой. Более того, когда Алим начал прощаться, Дина Митчелл пригласила его подняться в свое жилище и выпить чего-нибудь.

Соблюдая заповеди Пророка, он отказался от спиртного, но принял из рук красавицы чашку кофе, сваренного совсем неплохо. Она же угостилась сначала джином с тоником, потом джином без тоника, а под конец и вовсе налила себе золотистого виски. Ей было весело. Она все еще упивалась своим триумфом на вечеринке и считала себя неотразимой. Оставив гостя на пару минут, Дина освежилась под душем и переоделась в рубашку, лихо завязанную узлом на животе, и короткие тесные шорты, подчеркивавшие линии стройных ног. Ловя на себе пылкие взгляды нового ухажера, она старалась покорить его не только броской внешностью, но и остроумием.

Рассказав несколько анекдотов, вычитанных в каком-то журнале, девушка впала в сентиментальность, стала жаловаться на непонимание окружающих и на одиночество. При этом она то и дело прижималась к гостю телом или доверительно брала его за руку, как будто они были давно и хорошо знакомы.

Неискушенный Алим принял ее пьяную развязность за проявление ответных чувств и, потеряв голову, заключил американку в объятия. Дина не сопротивлялась, принимая его беспорядочные ласки с довольным хихиканьем, однако, когда он попытался поцеловать ее в губы, брезгливо толкнула его в грудь.

– Ты что? – удивился он. – Я же тебя люблю!

– Неужели? – прищурилась Дина.

– Конечно! Я никогда в жизни не встречал такой замечательной девушки.

Сделав это признание, Алим сделал еще одну попытку добраться до обольстительных губ девушки. В ответ она наградила его хлесткой пощечиной.

– Ты глупая, – сказал он, держась за горящую щеку. – Я же к тебе со всем сердцем, а ты... У меня на родине не принято распускать руки. Если девушка пригласила парня в гости, это означает, что ему позволено все.

– Ты не у себя на родине, – отрезала Дина. – Ты находишься в Америке, так что будь добр вести себя прилично. Здесь не место дикарям.

– Я не дикарь, – возразил Алим. – Наши обычаи во многом правильнее ваших. Когда девушка одевается подобным образом, – выразительно посмотрел он на голые ноги американки, – значит, она готова отдаться своему избраннику.

– Ты? – истерично рассмеялась она. – Мой избранник? Да что ты себе возомнил, эмигрант паршивый!

Попытки Алима обнять ее и успокоить вызвали еще большую ярость Дины. Как это часто случается с женщинами, ее хмельная бравада мгновенно сменилась агрессивностью: не выбирая выражений, она закричала на него, обзывая вонючим азиатским ишаком, безмозглым йети и похотливым павианом и утверждая, что Алим силой проник в квартиру и грубо домогался ее, о чем она обязательно заявит в полицию. Говорила, что он пьян, хотя Алим не сделал ни глотка спиртного. А под конец призналась, что презирала и презирает его, потому что афганцы для нее не люди, а что-то вроде горных обезьян, кое-как овладевших человеческой речью.

– Зачем же ты привела меня сюда? – глухо спросил он, кусая усы.

– Чтобы полюбоваться на тупого дикаря, вообразившего, что я ему ровня. Я скорее черномазому отдамся, урод! От тебя потом разит за три мили!

Это было уж слишком! Не помня себя от гнева, Алим схватил Дину за тонкую белую шею и сдавил изо всех сил, чтобы прекратить поток грязных, несправедливых оскорблений. Ему казалось, что это длится совсем недолго, считанные секунды, и он опомнился, лишь когда увидел, что глаза американки вылезли из орбит, а побагровевшее лицо исказилось в предсмертной гримасе.

Спохватившись, Алим разжал пальцы, но было поздно. Дина повалилась на пол, как тук с тряпьем, и не подавала признаков жизни, сколько он над ней ни бился. Пульса не было, на зеркале, поднесенном к губам, не осталось туманной дымки, обнажившаяся грудь застыла, как будто слепленная из гипса.

Алим весь взмок, представив, что будет с ним, если его застанут в законном жилище американки с очевидными признаками насильственной смерти. Его ожидало или пожизненное заключение, или электрический стул, или газовая камера – в зависимости от того, какое наказание за убийство предусмотрено в штате Нью-Джерси. И попробуй потом доказать предвзятым присяжным, что Алим действовал в состоянии аффекта, а не из корыстных побуждений. Его обвинят в попытке ограбления или даже изнасилования, а бессовестная Дина Митчелл предстанет в полицейских протоколах невинной жертвой распоясавшегося афганца. Кто вступится за несчастного бесправного эмигранта? Как будет он смотреть в глаза людям, которые ничего не узнают об истинной подоплеке случившегося?

А если Алиму и позволят дать соответствующие показания в суде, то разве будет принято во внимание то обстоятельство, что женщина не имеет права оскорблять мужчину, обзывая его шакалом и павианом? В Америке никто не знает предписаний пуштунвала. Здешним жителям не втолкуешь, что существует такое понятие, как бадал хистах – компенсация за нанесенную обиду. Настоящий афганец никогда не забывает и не прощает обиды. Время отмщения не имеет значения. Поговорка гласит, что если человек поквитается с обидчиком через сто лет, то и в этом случае он проявит торопливость.

Представив себе физиономии присяжных, выслушивающих эту поговорку, Алим встал, проверил, не обронил ли чего, не забыл ли, переступил через труп американки и решительно направился к двери. Два с половиной часа спустя, даже не зайдя домой за вещами, он летел в самолете, следующем рейсом в Пакистан, оттуда перебрался на родину и некоторое время не знал, чем заняться, пока его не отыскал дядя Ардан, предложивший работу и деньги.

Узнав в общих чертах, что от него требуется, молодой человек согласился, не колеблясь ни минуты. Он много времени провел в так называемом цивилизованном мире, знал ему цену и желал принять посильное участие в разгроме этого оплота разврата, высокомерия и ханжества. Для Ардана не имело значения, как называется та или иная страна, являющаяся частью этого пресловутого Запада. Все они одинаковы: Америка, Канада, Дания, Франция, Россия. Для всех них афганцы были говорящими горными обезьянами, как бы они ни скрывали это за фасадом толерантности и гуманизма.

И теперь, найдя свое место в жизни, молодой Алим Кармани чувствовал себя по-настоящему счастливым.

Прежде чем приступить к важному разговору, мужчины, как водится, беседовали о том о сем, задавали друг другу вежливые вопросы, получали такие же вежливые, но малозначительные ответы. Общаясь, они поедали восхитительно холодный, вытщенный из колодца арбуз, ярко-красные ломти которого таяли прямо на глазах.

Вокруг вились дикие черные пчелы, оглашая воздух нервозным гудением. Время от времени Халик Ардан взмахивал своим длинным, чуть изогнутым ножом, и тогда на пол падал очередной пчелиный трупик, разрубленный пополам. Это получалось у него неподражаемо ловко и так естественно, словно он всю жизнь занимался тем, что уничтожал насекомых ножом.

Настроение у Ардана было приподнятое. Он гордился честью, оказанной ему самим Джамхадом, снизошедшим до того, чтобы посетить его жилище. Дом Ардана, сложенный из тщательно подогнанного сырцового кирпича, был достаточно велик, чтобы вместить жен, нескольких родственников и гостей. Однако их не было видно и слышно. Ведь гостей Ардан принимал на мужской половине, куда женщины входили только по хозяйскому зову, прикрывая нижнюю половину лица платками.

Веранда, как и внутренние покои, была щедро устлана коврами, ковриками и ковровыми дорожками, являющимися главным украшением афганских жилищ. Мебель, виднеющаяся в дверном проеме, выглядела по европейским меркам убого: продавленный восточный диван, медный светильник на стене. Но Ардан считал себя не бедняком, а, наоборот, весьма состоятельным человеком. Чтобы подчеркнуть это, он всякий раз призывал обслуживать гостей новую жену. Вот и сейчас, когда арбуз был съеден, Ардан хлопнул в липкие ладоши и горланно прокричал:

– Балуца! Чаю!

Ему нравилось оказывать гостеприимство, нравилось принимать гостей на лучшем ковре, нравилось потчевать их, стараясь предвосхитить желание каждого. В свою очередь Джамхад и Алим не забывали похвалить любую мелочь, поблагодарить за воду, поданную для мытья рук, за полотенце, за отрезанный ломоть арбуза. Таковы были правила хорошего тона, и если бы хозяину дома вздумалось скормить гостям не два арбуза, а двадцать, они не сочли бы возможным отказаться. С другой стороны, если бы один из них похвалил любой предмет утвари или хотя бы нож в руке Ардана, тот немедленно предложил бы принять эту вещь в подарок.

– Благодарю, брат, – произнес Джамхад, вытирая полотенцем промокшую бороду, – арбуз был очень вкусный, давно не ел такого.

– Самый вкусный из всех, которые мне доводилось пробовать, – поддакнул Алим, водя языком по усам, как сытый кот.

Подобно дяде, он находился в приподнятом настроении и радовался, что можно носить ту одежду, которая ему нравится и удобна, – широкие шаровары, рубаху навыпуск с суконной

безрукавкой поверх нее, расшитую тюбетейку, обмотанную чалмой. Ему также было приятно видеть вокруг себя не безвкусно накрашенных американок с голыми животами и ногами, а соотечественниц, блющих скромность и достоинство.

Балуца, принеся поднос со всем необходимым для чаепития, явилась в голубых атласных шароварах, пришитых к носкам, темном платье и клетчатом платке, оставлявшем на виду лишь выпуклые и влажные, как у лани, глаза, ресницы были опущены. Она никогда не позволила бы себе назвать Алима ишаком или павианом.

– Спасибо, ханум, – сказал он, принимая из рук Балуцы пиалу с дымящимся зеленым чаем, источавшим терпкий, насыщенный аромат.

– Будьте здоровы, – поклонилась она и ускользнула, бесшумная, как тень.

– В следующем году хочу еще одну хорошую женщину в наложницы взять, – поделился с гостями Ардан мыслями, все чаще посещавшими его в минуты праздности и безделья. – Средства позволяют. Остановил выбор на турчанке. Немного хромая, но проворная и ласковая. Будет хорошей матерью моим детям, да и мне немало радости доставит. С другой стороны, турчанка. Брать или не брать?

– Почему не взять, – степенно произнес Джамхад, – если достаток есть, если денег хватает. Знаешь, брат, я думаю, что ты сможешь завести не одну, а сразу несколько наложниц. Турчанок, русских, даже американок, если пожелаешь. Целый гарем заведешь. Потому что денег у тебя скоро будет больше, чем инжира на деревьях в твоём саду.

Такое вступление означало, что главный гость решил наконец перейти к делу, и слушатели уселись поудобнее, обратившись в слух, чтобы не пропустить не только ни единого слова из сказанного, но и уловить все нюансы и интонации, которыми так богата речь восточных мужей.

– Это было бы хорошо, – рассудительно проговорил Ардан, осторожно окунув губы в горячий чай. – Но откуда они возьмутся, лишние деньги? – хитро прищурил он один глаз. – Они ведь, в отличие от инжира, не растут на садовых ветвях.

Алим хихикнул, но на него не обратили внимания.

– Да, брат, ты это правильно заметил, – согласился Джамхад, беря в щепоть халву, сочащуюся сладким соком. – Деньги не растут на деревьях. Мужчины их зарабатывают, иногда даже с риском для жизни. Такой способ придумал для нас Аллах.

– Мы готовы на все, только скажите как, уважаемый господин Джамхад, – выпалил Алим, нарушая тем самым неписаное правило никогда не торопить собеседника.

Старшие мужчины покосились на него с неодобрением.

– Разве в Америке тебя не научили, как зарабатывать деньги? – спросил Джамхад с сарказмом. – Ты оттуда не миллионером вернулся, да? Не разбогател на чужбине?

– Американцы предпочитают забирать все себе, – виновато потупившись, ответил Алим. – Нас они за людей не считают. К большому бизнесу на пушечный выстрел не подпускают. Смотрят свысока, сторонятся как прокаженных. Обзывают разными нехорошими словами.

Ему живо вспомнились обидные слова Дины, и выбритые щеки его покрылись румянцем, а усы задергались, словно их тянули за невидимые ниточки.

– Все они такие, неверные, – решил вступить за племянника Ардан. – Красиво говорят, а поступают коварно и подло. Сердца их лживы, а к рукам их липнет все золото, которое только есть на земле. – Он удрученно покачал головой. – Когда-то я думал, что наши главные враги – русские. Потом воевал с американцами и англичанами. А теперь понимаю: все они одинаковы. Все наши враги.

– Ты правильно понимаешь, – кивнул Джамхад. – Но победить всех одновременно не может даже такой отважный народ, как наш. Поэтому следует бить врагов поодиночке. Заклю-

чать временные союзы с одними, потом с другими. И наносить удары по тем, кто этого не ожидает.

– Это очень мудро, уважаемый Джамхад, – кивнул Ардан. – Так мы перебьем их всех, они даже опомниться не успеют. С одними мир, с другими война, потом наоборот. Но... – Ему хотелось спросить про деньги, но он сдержался, задав совсем другой вопрос: – Но чем можем быть полезны я и мой племянник?

– Есть план, – сказал Джамхад, наблюдая, как Алим наполняет его пиалу свежим чаем. – Его, несомненно, подсказал сам Аллах, потому что план этот безупречен. И если мы, верные слуги Всевышнего, сумеем осуществить его великий замысел, мы будем вознаграждены по заслугам. Не только деньгами, но и почетными местами в саду райских наслаждений.

Алим на мгновение зажмурился, представив себя в окружении прекрасных гурий, готовых подчиняться малейшему мановению его пальцев. Гурии были покорны, нежны и обольстительны. Ни одна из них не позволила бы бросить на своего мужчину косой взгляд или задеть его достоинство обидными речами.

– Такие слова звучат сладчайшей музыкой в наших ушах, – заверил высокого гостя Ардан, стараясь не проявлять признаков нетерпения.

– Так слушайте же, – заговорил Джамхад, шумно прихлебывая чай. – Есть далеко на востоке большой город Джабур. Оттуда каждый день летают самолеты во все концы света. Один из них осуществляет рейсы в Исламабад. Вот он-то нам и нужен.

– Мы должны его захватить? – спросил Алим.

В его голосе прозвучала неподдельная тревога. Он отлично знал, что после сентября 2001 года воздушное пиратство сделалось практически невозможным. То, что довелось ему увидеть в разных аэропортах мира, не внушало оптимизма. Повсюду рамки металлоискателей, лазерные и рентгеновские установки, специально обученные собаки, дюжие охранники, камеры слежения и досмотры, досмотры, досмотры...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.